

# Против неба—на земле

*За горами, за лесами,  
За широкими морями,  
Против неба —*

*на земле,  
Жил старик в одном  
селе...*

...Эти первые четыре строки «Конька-Горбунка» не случайно приписывались Александру Сергеевичу Пушкину. Девятнадцатилетний автор замечательной сказки сибиряк Петр Ершов неоднократно встречался с великим поэтом. И уж совершенно достоверно известно, что после первого знакомства с «Коньком-Горбунком» Пушкин сказал: «Теперь мне можно и оставить этот род поэзии». В творчестве Петра Павловича Ершова сумел разглядеть он смелое следование демократическим традициям русского фольклора, непримиримость ко лжи, пустозвонству, а главное, к социальной несправедливости.

«Коньку-Горбунку», как и всякому подлинно художественному произведению, была суждена долгая и славная жизнь.

«Конек-Горбунку» и ныне сражается с ханжеством и подлостью, прославляет благородство и великодушные, сметку, находчивость и силу человека, которого принято именовать «простым».

— Но в том-то и штука, что они совсем не просты, Иван и его верный Конек-Горбунку — главные герои прекрасной сказки, — справедливо полагает Олег Табаков, недавно завершивший работу в цветном телефильме, который так и называется «Конек-Горбунку».

— Герои эти неразделимы. Так же, как и неотделим, к примеру, Дон Кихот от Санчо Пансы. Именно поэтому фор-

ма монофильма, в котором посчастливилось играть мне и Коньку, и Ивану, царя-батюшку и царь-девицу, отца Ивана и его братьев, всех героев этого удивительного произведения, весьма меня устраивала. Она, разумеется, таит в себе множество опасностей. Вместе с тем жанр монофильма, требующий создания атмосферы максимального доверия зрителей к исполнителю, попросту создан для телевидения.

Я не для красного словца сказал, что мне посчастливилось исполнить «Коньку-Горбунку». Мечта об этом жила во мне давно. И я благодарен постановщику фильма Владимиру Храмову за то, что он угадал именно во мне это снedaющее все мое существо стремление, которому, наконец, было суждено с его помощью воплотиться в жизнь. Дело в том, что сказка относится к числу самых любимых моих увлечений. Ну, а после знаменитого радиоспектакля «Конек-Горбунку», блистательно исполненного Дмитрием Николаевичем Орловым, я давным-давно окончательно пришел к убеждению, что творение это, несомненно, относится к чрезвычайно важным и дорогим не только для меня, непреходящим ценностям нашей земли.

Не знаю, насколько точен изобретенный мной термин, но «Конек-Горбунку», как и многие произведения горячо любимых Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Сухово-Кобылина, исполнены драгоценным для меня русским правдоподобием невероятного. Национально окрашенный гротеск, социальная сатира, присущие этим авторам, дают возможность чрезвычайно напол-

нения существования на сцене и на экране.

— Олег Павлович, видимо, говоря об «опасности» монофильма, об «атмосфере доверия», необходимой для его успеха у зрителей, вы имеете в виду отсутствие какой-бы то ни было «машинерии» в вашей нынешней интерпретации «Конька-Горбунка», красочных костюмов и декораций. Правда, «действие» телефильма разворачивается не на эстраде, а в интерьерах нескольких старинных зданий Москвы, на фоне великолепных изразцов, украшенных русским орнаментом, на лестницах древних палат.

— Да, естественной декорацией нашего фильма послужили залы домика Петра в Коломенском, дома президиума ВАСХНИЛ в Харитоньевском переулке столицы, здания Министерства бытового обслуживания населения РСФСР на улице Станиславского. Это единственный «отвлекающий момент», который позволил себе постановщик «Конька-Горбунка» Владимир Храмов, — улыбается Олег Табаков.

— Ведь телефильм подобного рода предполагает, что у единственного исполнителя главных, второстепенных и эпизодических ролей хватит своих «шуток» для того, чтобы в течение достаточно длительного времени владеть вниманием очень большой зрительской аудитории. В том-то и состоит особенность телевизионного монофильма, что ты, не злоупотребляя оказанным гостеприимством, обязан добиться доверия зрителей, не впадая в монотонность, однообразие. Такая работа, естественно, требует от актера максимального напряжения, отдачи всех сил.

— Мне не хотелось бы выступать в роли провозвестника каких-то канонов, якобы присущих монофильму на телевидении. Тут, конечно, возможны десятки всевозможных решений. Однако неизменным должно оставаться стремление войти в каждый дом добрым, желанным другом, а не «каменным гостем», от которого хотят избавиться уже после первых минут знакомства. А это дается лишь неустанной, кропотливой деятельностью. Скоро сказка сказывается, да не скоро она снимается, могут вам заявить с полным на то основанием, — вновь улыбается Олег Табаков.

— Я, конечно, далек от того, чтобы давать какие-то оценки нашему телефильму, — продолжает он, — могу лишь сказать, что удивительно совершенная и по содержанию, и по форме, очень цельная сказка, хрестоматийно известная миллионам людей с раннего детства, потребовала от нас большого труда. И несмотря на это, я вспоминаю об этом нелегком времени как об одном из счастливейших моментов своей творческой жизни. Наверное, самое прекрасное в ней — это осуществленная мечта.

А мир творческой мечты поистине необъятен. Это понимаешь, когда Олег Табаков с воодушевлением, со многими живыми, интересными подробностями рассказывает о желании воплотить на голубом экране образы Теркина, Обломова, Швейка, познать телезрителей с щедриной «Историей города Глупова», сыграть Дон Кихота, помноженного на Санчо и деленного пополам...

Феликс АНДРЕЕВ.